

Арина Остромина
arina@ostromina.me

Медведь на ухе

Когда мне было девять лет, мне купили пианино. Не потому, что я любила музыку или хотела на нём играть. А потому, что мне «медведь на ухо наступил».

Родители мне давно это говорили, а я сердилась: какой ещё медведь, как он до моего уха добрался?

Мама иногда задавала странные вопросы. Проговорит так протяжно:

— Ля-а, ля-ля. Ля-а, ля-ля, — и спрашивает, что это за песня.

— Какая же это песня, — говорю. — Это просто «ля-ля-ля».

Она опять:

— Да ты прислушайся! Ты же знаешь эту песню.

Чего она от меня хочет — не понимаю. Тогда она по-другому:

— Ма-а-лень-кой ё-о-лоч-ке хо-лод-но зи-мой...

— Так это про ёлочку, это я знаю.

— Да ведь это одно и то же!

Как же одно и то же, если сначала «ля-ля-ля», а потом про ёлочку? Иногда мне казалось, что мама злится. Как будто я нарочно её мучаю и не отвечаю правильно. А я думала, что это она меня мучает. Не может же взрослый человек всерьёз считать все вот эти «ля-ля-ля» песнями. Понятно же, что в песнях должны быть слова.

Потом, правда, родители меня убедили, что песни не только словами различаются, но и мелодиями. Что такое мелодия, они мне толком не объяснили. Опять свои «ля-ля-ля» говорили. Но я сама догадалась. Я же не дура, ударение в словах умела находить. Сообразила, что в «маленькой ёлочке холодно зимой» мелодия такая: ударение, нет, нет, и потом опять так же. А если «в лесу родилась ёлочка», то там мелодия другая: нет, ударение, нет, ударение.

После этого мы с родителями стали лучше друг друга понимать. Они меня спрашивают:

— Ты же слышишь, что у этих песен разные мелодии?

А я им:

— Конечно, слышу.

Когда я в школу пошла, там у нас уроки пения начались. Учительница слова песен диктует, мы записываем, потом весь класс поёт. Я тоже пою. Ну как пою... Проговариваю слова протяжно, вместе с одноклассниками. Тихо, чтобы не мешать им. Я уже тогда какой-то подвох чувствовала: может, всё-таки есть разница между «петь» и «говорить протяжно»?

А потом я стала хореографией заниматься. Там интересно было: деми плие, батман, всякое такое. У меня хорошо получалось. Но в конце года оказалось, что надо сдавать переводной экзамен, чтобы в группе остаться. Я не боялась — танцевала я отлично, чего мне бояться? Пришла на экзамен, сделала всё, что надо: повороты, прыжки, растяжки. Потом чувство ритма проверяли. Анна Борисовна, концертмейстер, постучала по крышке рояля: тук, тук-тук. «Повтори», — говорит. Я повторила. Она другой ритм простучала, я опять повторила. Думала, уже всё. А она нажала на клавишу и говорит:

— Спой эту ноту.

Я не поняла:

— Как это? Разве можно ноту спеть?

— Ну, просто спой «ля-а-а».

Я говорю:

— Ля-а-а.

— Да нет же! Ты спой ноту, которую я сыграла.

— Как же я её спою? Она же не песня.

Анна Борисовна захлопнула крышку рояля и говорит:

— Маму свою позови.

Я позвала, а сама жду под дверью. Долго её не было, потом выходит — красная, вспотевшая. Говорит:

— Пошли домой.

Дома они с папой закрылись в кухне, долго спорили. Я ушла книжку читать. А на следующий день грузчики пианино притащили. Оказывается, Анна Борисовна маме сказала, что мне нельзя в группе остаться, потому что мне медведь на ухо наступил. А мама её уговорила не выгонять меня из группы: я ведь так хорошо танцую, и чувство ритма у меня есть... А слух — дело наживное. Пообещала, что завтра же купит мне пианино, и я начну учиться музыке.

Вот так и получилось, что меня и в группе оставили, и на пианино играть пришлось. А с медведем моим мы потом договорились: он немного подвинулся, и я стала отличать высокие звуки от низких.